

пая мои бока.

И снова крест лег мне на нечувствующие ноги.

И опять меня пронзил холод!

Я ещё подумал: крест ведь на цепочке, а цепочка на шее у доктора, у священника. И вот что-то такое передается от него ко мне. Этот холод.

Этот мгновенный холод - как вспышка сильно замороженно-го электричества!

Если такое бывает.

ДОКТОР С ХУЛИГАНАМИ

А однажды много но сразу затопало! Будто стадо ведут на водопой. Только вот какое стадо? Не четвероногих, это понятно. Зато у этих двуногих крепкие копыта. Или твердые подметки.

Вошли Папа, Бабушка, женщина в белом халате и двое мальчишек класса, наверное, из третьего. Каждый - на две головы меня выше.

Я сразу сжался. - Здравствуй, Мальчик, - сказала врачиха и тут же повернулась к взрослому. - Я ведь психолог, вы знаете, поэтому давайте где-нибудь поговорим, а дети без нас пообщаются. Это очень важно для Мальчика.

И они вышли в соседнюю комнату.

Я совсем в кокон свернулся. Была бы моя воля, замотался бы бинтами с головой. Или хотя бы одеялом накрылся.

Но ведь гости. Надо принимать, учила Бабушка. О чём-то говорить.

- Проходите, - сказал я как-то противным, писклявым, совсем не моим голосом.

Парни прошли, сели на стулья возле стенки. Оба какие-то похуже. Только один повыше другого. Похоже, братья.

- Лебеди мы, - сказал тот, что постарше. - Я Серёга. Он Петруха.

- В каком смысле - Лебеди? - спросил я. - Фамилия такая? - Фамилия Лебедевы, - пояснил младший, - а зовемся Лебедеями. Так проще выражаться.

- Вроде кликухи, - объяснил старший, Серёга.

- А у тебя есть кликуха? - спросил Пётр.

Я пожал плечами. Кто бы мог дать мне кликуху, если я тут один всю жизнь лежу, не считая бессчётных больниц.

- Ну давай, ты будешь, э-э, - задумался Серёга, - Безногий.

- Ты чо? - толкнул его Петруха локтем. - Мама тебе выдаст!

- Ну не Псих же! Видишь, он нормалёк, не то что тот, у которого мы тогда были!

- Тот Псих! - согласился Петруха.

- Ну! А этот просто Безногий. Ноги у него не ходят, вишь. Но с головой всё в порядке.

Меня охватил какой-то озноб от этого обсуждения. В первый раз обо мне при мне говорили как об отсутствующем.

- Ты чё, пацан? - снова спросил старший. - Помираешь? Худо тебе?

Я молчал. Не знал, что ответить, и поглубже натягивал одеяло. Уже до подбородка натянул. Как с ними разговаривать? Скорее бы ушли!

- Да нет! - проговорил я, похоже, совсем жалобно.

- Ну что ты к нему пристал? - спросил Петруха брата, пихая его локтем в бок. - Ницё он не помирает! Просто ходить не может! Мало ли какие болезни у людей бывают.

- А я - чё? - удивился старший. - Я ничё! Пусть живет. Мне не жалко!

Только, может быть, сейчас я разглядел их повнимательнее. Оба в серых пуловерчиках, рубашечки воротники навывпуск. Джинсики и кроссовки с одного прилавка. Да и сам-то они - из одной печки пирожки: румяные, со светлыми чёлочками. Пока улыбаются - ничего. Но если их разозлить, наверное, выйдут чистые хулиганы.

У хулиганов не было условий показать свои способности. Где тут разгуляешься? Комната о двух окнах, кровать, на которой я лежу, коврик. Ну там зеркало на стене и под ним целый склад разных мишек, мышек, обезьянок, собак, лягушек и всякого другого неживого зверья.

Братья будто только их заметили. Ринулись, словно малыши. Стали за собак рычать, за кошек мяукать, за лягушек квакать. И хлопать ими друг о друга. Изо всех сил. Война началась.

Сначала они просто лупились игрушками, потом стали их расшвыривать, и я сначала попрыгал смеяться, чтобы разделить

их радость. Но весело-то мне совершенно не было.

А мой смех, похоже, их ободрил, и они стали игрушками кидаться. Слоник зацепил абажур и закачал лампу надо мной - она летела с каким-то опасным звуком. Наверное, угрожала упасть. Но Серёгу и Петруху это совершенно не трогало. Они раскидали мое игрушечное царство во все углы. Кто-то из моих любимцев даже на шкаф залетел. Кажется, это был розовый поросёнок.

Пару раз досталось мне. Один раз слегка. Лёгким касанием зацепил меня серый плюшевый конёк-горбун, но очень-то большого размера и веса. А вот маленький, но твёрдый лягушонок врезался прямо в глаз, и я невольно вскрикнул.

Дверь растворилась, на пороге была Бабушка. Вид у неё был совершенно ошеломлённый. Не привыкла она к таким детским шалостям.

Но Бабушка оставалась философской даже в таком положении.

Она мельком взглянула на развал и воскликнула:

- Ну что это за Батрахомиахия!

Я, слегка ошарашенный боем прихожих братков и чуткою контуженной лягушонком, понял, что Бабушка обозвала братьев мафией.

Однако, еще до наступления сумерек, после того как Бабушка сложила моё царство в прежнем порядке, выяснилось, что Батрахомиахия - это война мышшей и лягушек. Была такая поэма. Её ещё в Древней Греции сочинили.

Я подумал-подумал и перед сном прочитал Бабушке такие стихи:

Явились два братушки, смешали все игрушки,

Как мыши и лягушки на греческой войнушке.

Она долго хохотала. Так что тот психопатический визит закончился не так уж страшно.

РАССУЖДЕНИЯ

Однажды весенним вечером мы собрались погулять во дворе. Я - покататься на своём электромобиле, а Папа с Бабушкой просто походить. Или только постоять.

Но оказалось, что гулять нельзя.

Прошел мелкий, но тёплый дождь, и кто бы, вы думали выбрался погулять раньше нас? Червячки!

Их были десятки! А может, сотни! Розовые, тонкие и толстые, уже, похоже, немолодые - все они растянулись на асфальте. И нежались, растягиваясь от удовольствия.

Дождик продолжал моросить, и они наслаждались, едва шевелясь. Никуда не ползли, не торопились, не собирались исчезать.

И тут Бабушка с выражением проговорила:

- А вы на земле проживаете, как черви слепые живут - ни сказок о вас не расскажут, ни песен о вас не споют.

- Это ты про нас говоришь? - спросил я Бабушку.

Она рассмеялась, крикнула:

- Нет!

И сделала невероятное.

Она стала наклоняться и собирать червячков. Прямо рукой. Я даже закричал, за неё испугавшись. Ну может быть, удивившись.

Она выпрямилась и ответила на мой испуг:

- Это, может, самые чистые существа! Они выбрались принять душ - лёгкий дождик. Сильный дождь, какой-нибудь ливень - не для них! И вообще! Червячки - это чернорабочие. Шахтёры. Они всю жизнь под землёй. Перерабатывают почву. Делают её рыхлой. Удобной для растений.

Она говорила и всё время наклонялась. Подбирала новых и новых. А набрав полную ладонь, бросала на землю.

- Им не больно? - спросил я.

- Нет! - весело ответила Бабушка. - Они вообще совершенно замечательные! Например, земляного червячка можно разрезать надвое. И каждая половинка будет жить дальше. Они совершенно слепые, но всё прекрасно чувствуют.

Когда холодно - засыпают, а по-теплет - просыпаются. Червячье-роду - миллиарды лет. Они живут на земле намного дольше человека!

- И нас еще съедает! - это произнес Папа. Без всякого, при этом, выражения.

- Как это? - спросил я наивно.

- Ну как? - ответил он. - Там, под землей! Мы же все там

окажемся.

Что-то я раньше на такие темы не рассуждал. Спросил: - И я?

Папа закашлялся, а Бабушка выпрямилась с полной ладошкой розовых червячков и воскликнула:

- Только человеку, как они живут, жить всё-таки не стоит!

Тут они оба замолчали.

Что делал Папа у меня за спиной, я не видел. А Бабушка по-прежнему наклонилась в своем поношенном пальто к асфальту. Сказала совершенно неожиданно:

- Во всяком случае, я им не дамся.

- Как это? - удивился теперь Папа из-за моей спины.

- А вот так, - ответила она, распрямляясь и весело глядя на него. - Завещаю тебе меня сжечь.

Я тоже хотел спросить: "Как это?", но Папа меня опередил:

- Тогда и меня! - воскликнул он.

- Ну и договорились! - слегка сердито сказала Бабушка. - Завёл, называется, разговор!

Теперь всё-таки настала моя очередь.

- С кем это вы оба договорились? - спросил я. - И о чём? С червячками, что ли?

- С ними как раз не договорились, - буркнула философская Бабушка. - Друг с другом, наверное. А может, с тобой.

И весело посмотрела на меня, рукой махнула: мол, поезжай.

И я поехал по асфальтовой дорожке между берёз и невысоких фонарей, где горели неяркие лампочки.

Я очень хорошо запомнил это время: конец апреля.

Тепло. Над землей лёгкий, такой кисейный туман. А сквозь него на нас смотрит тонкий-тонкий, будто только выкованный серебряный месяц.

Он смотрит на нас ласково, нежно - ведь все мы для него, наверное, маленькие немысленные существа, не знающие ничего самого важного - люди, старые и малые, червячки, вылезшие было принять душ из дождика, который взял и перестал, птицы, поющие на разные голоса.

Мы гуляли допоздна по асфальтовой дорожке. Пока месяц станет резким и ясным на фоне тёмно-синего неба, а птицы вдруг все разом возьмут и замолкнут.

Бабушка шептала нам с Папой:

- Подойдите. Послушайте.

Мы стояли, затаив дыхание. Дожидались волшебного мгновения. Когда вдруг и враз умолкли все птицы.

Настала тишина.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАМЫ

Потом вернулась Мама.

Она очень странно приехала из заграничного отпуска. Позвонила Папе по мобильнику. И он вышел из дома в сад, чтобы никто не слышал его ответов. Или вопросов!

Оказалось, что Мама уже в городе. Ночует в нашей квартире, потому что ей очень некогда. Обещала приехать, как только освободится.

Эти ее слова передал мне Папа. Он присел на краешек моей кровати. И выглядел очень расстроенным. Каким-то разбитым. Потом и вовсе повесил голову.

- Не горюй, - сказал я ему. - Вдруг и правда, что-то такое у неё срочное. Она же всё-таки - огого!

Я хотел его рассмешить. Но он только грустно повторил: - Ого-го!

Мама приехала через два дня, с порога стала громко смеяться и рассказывать, что сдавала какой-то отчёт. Почти экзамен.

Ко мне вошла с ворохом подарков - несколько пакетов сразу протягивала перед собой. Но я протянул руки не к ним, а к ней, чтобы обнять. Она почему-то не поняла. Она всё пакеты мне протягивала.

Потом мы стали разговаривать. Вчетвером. Но это просто так говорится, потому что Папа и Бабушка молчали, а я слушал. Говорила только Мама.

Она рассказывала про море, и Бабушка вздыхала, а я знал, о чём: вот бы туда нашего Мальчика. Она ведь без Мамы не раз повторяла эту фразу.

Мама рассказывала про кипарисы - такие высокие стройные деревья, про рестораны и кого и как она там повстречала.

Получалось так, что она везде была одна, ну я и спросил:

- Почему же ты не взяла Папу?

Но он не дал ей ответить: - Что значит - "не взяла"?

- возмущенно сказал он, не глядя на меня, а значит, и не мне отвечал. - Я же не чемодан. Не зонтик, например. И кто бы остался с тобой? - наконец взглянул на меня.

- Ну и его взяла бы! - пробурчала Бабушка.

- Ну ладно вам, ладно меня пилить! - воскликнула Мама каким-то уравнивошенным, хотя и громким голосом: - Мы и так тут все засиделись. Считайте, я положила дорожку! Узнала! Теперь поедем все.

- Когда? - спросил я, наверное, от имени всех.

- Как только ты поправишься! - воскликнула Мама. - А то ведь может наступить осложнение.

После этих слов я постарался натянуть на себя одеяло. Спрятаться. Как от тех, похожих друг на друга, братьев-разбойников.

Думаете, мне захотелось всплакнуть? Совершенно нет. Наверное, я уже привык, что все время утыкался в эту мягкую стенку.

Ну что ж, ещё раз!

Только вот слушать, что дальше станет рассказывать Мама, мне не хотелось. И она это поняла.

Заторопилась, сказала, что ночевать на даче не сможет, у неё неотложная встреча с партнёрами в известном клубе. И ей ещё надо переодеться. А будут на встрече те-то и такие-то.

Но я знал, что Папа и Бабушка её уже не слышат. Стоят там, в прихожей, как два манекена - это такие куклы, на которых надевают взрослую одежду в магазинах.

Стоят и стоят. Улыбаются и улыбаются. Всё на них есть. Ничего в них нет.

Но в Бабушке, а особенно в Папе - было!

МАМИНЫ ПОСЫЛКИ

Мама перестала приезжать. Но раз в три дня присылала машиной посылки с едой. Их раскладывала Бабушка. Готовила завтраки и ужины, варила обед.

Всякий раз Мама посылала что-нибудь мне. Например, шоколадку в красивой обёртке с бумажкой, на которой написано: Мальчику. Не машиной рукой.

Или книжку. Или машинку. Или какую-нибудь куклу, точно их у меня мало.

Бабушка шлёпала ко мне, приклеив к своему лицу улыбку, желая порадовать, но, увидев меня, всю неправду с себя сбрасывала.

Я не хмурился, не злился, не плакал. Я просто просил Бабушку отложить посылку в сторону.

Сначала-то она что-то говорила. Предлагала, настаивала, уговаривала. Клала на меня подарок на кровать. Я к ним не прикасался. И тогда Бабушка стала складывать их на стул. Постепенно выросла гора. Пришлось ставить выдосул.

Когда Бабушка выходила, я брал увеличительное стекло, этот иллюминатор в жизнь Чока, и смотрел-смотрел на него. Как он всё сидит-сидит. Терпит-терпит. А на тенетах его тихо лежат две - огромные для него - туши: мухи и комара. Но он к ним не прикасается.

Как я к Маминим посылкам.

Чоку чего-то другого хочется. Он не еды ждёт. И не того, что я.

Однажды я смотрел-глядел, и вдруг что-то большое и непонятное хлопнуло в паучковую сеть. Я взгляделся. Это была капелька. Воды, что ли?

Я отстранил круглое стеклянное колесо, потрогал щёку и понял, это из меня выкатилась слезинка. И упала прямо к Чоку.

Я поразился! Он вдруг побежал к ней, посидел мгновение перед чистым светлым шариком. И вдруг начал пить!

Пить мою слезинку! Я откинулся, бросил на одеяло чудесную линзу в золотом ободке с белой ручкой и тихо заплакал, свернувшись калачиком.

Потом, наверное, уснул.

А проснулся оттого, что кто-то гладит меня по плечу. Это был Папа. Я обернулся к нему.

- Я не понял, - тихо сказал он, - ты слышишь или плачешь?

Я поднялся кое-как и повис у него на шее.

И тут мне Папа сказал слова, которым я не удивился. Потому что, наверное, уже отплакал их. И всё, что они обозначали.

- Наша Мама, сынок, - сказал Папа каким-то бесчеловечным, деревянным голосом, - бросила нас. У неё новая семья.

Он набрал воздуха в лёгкие, прежде чем ударить меня:

- И у неё будет новый ребёнок.

Но мне не было больно. Откуда-то я всё чувство-

вал и всё знал.

Я терпел, как паучок, - без конца и до конца.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БАТЮШКИ

О чём бы я не думал, всё возвращалось к Маме.

Просто-напросто она предтавлялась мне. Являлась. Я видел её в своей комнате - на туалетных столиках с высокими каблучками. Стоит или ходит. Чок-Чик, Чик-Чок. И всё время улыбается.

И слёзы сыпались из меня.

Бабушка сказала мне с тревогой, что я стал плохо есть. Что я похудел. Но разве дело во мне?

В Папе.

Во всех в нас.

Папа оброс щетиной - перестал бриться. Разучился шутить и смеяться. А Бабушка-то! Самато! Съежилась-скукожилась. Даже ростом стала меньше. И тапками своими не шлёпает бодро, а только тихо прихлывает.

И в это время приехал Батюшка. Тот самый, знаменитый доктор с золотым крестом.

Я слышал, как он долго извинялся в прихожей. А ко мне вошёл в сопровождении еще одного, совсем молодого священника - ну в общем, он был одет так же - в чёрную длиннополую одежду. А в руках держал что-то похожее на серебряное ведёрко.

Батюшка радостно ко мне подошёл, поцеловал в лоб. А я осторожно коснулся его креста. Он был всё такой же холодный.

Доктор-священник встал у меня в ногах, раскрыл толстую книгу и стал говорить торжественные слова.

Я их, конечно, не помню. Но слушать их было сразу и радостно, и страшно.

Наверное, потому, что такими словами и такими выражениями люди не разговаривают. Эти слова, думал я, существуют только для священных дел.

Таких, например, как мое крещение.

Батюшка говорил надо мной таинственные слова, а потом взял рукой что-то похожее на большую кисточку из серебряного ведёрка с водой и окропил меня. Будто крестом осенил.

И так три раза. Мне стало щекотно и весело. Я тихонечко засмеялся. Бабушка меня шлёпотом заругала, но священник сказал ей: - Ничего! Ничего! С радостью входит он!

Ещё он подарил мне тогда иконку. Размером с почтовую открытку, с красивым золотым ободком. И на ней была нарисована женщина с ребёнком. Он сказал, что это Богородица с новорожденным Христом. И дал мне книгу "Библия для детей".

И тут они ушли. А я остался один.

Теперь со стенки прямо на меня смотрели Богородица и маленький Христос.

Я лежал в тишине. Молчал и смотрел на маму Христа, а потом протянул к ней руки, закрыв глаза. И представил, что я обнимаю её за шею, как хотел обнять свою маму.

Богородица наклонилась ко мне, чтобы было поудобнее, и я прижался к ней. А маленький Христос, показавшись мне, поцеловал меня в лоб.

Что-то вздрогнуло и сдвинулось во мне. Но - что, я понятия не могу.

Не знаю, хорошо ли в этом признаваться и горевать ли про это вообще... Но Мама, которая все время перед глазами стояла, в этот момент куда-то отошла. Будто спряталась в темноте.

Перестала меня мучать.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ПАУЧКОМ?

А потом беда случилась с паучком.

Перед Пасхой Бабушка стала прибирать дом. А нас с Папой отправила гулять.

Папа усадил меня в электрическую коляску и мы поехали за ворота. Ведь Бабушка долго перечисляла, что ей надо сделать: обмести потолки, протереть батареи, вымыть пол... Это значило, что она просит: погуляйте подольше. Мы и гуляли.

Катались по дорогам дачного поселка. Уступали встречным машинам. Оглядывались по сторонам, наблюдая весну.

Конечно, катались и уступал я в своем электромобиле. А оглядывались мы вместе с Папой.

Он давал мне понюхать опавшие тополиные серёжки - как они радостно пахнут. Обращал внимание на ростки лесных ландышей, стоявших, словно строй солдатиков возле самой дороги. Ну и много ещё чего можно было наблюдать, радуясь весне, и много че-

го слышать. Вон как птицы щебечут, будто, торопясь, перебивают друг друга, чтобы сказать, как им хорошо и счастливо.

Когда мы вернулись, Бабушка давно всё прибрала, обед приготовила, тарелки на стол поставила. А мне поднос с едой в постель принесла.

Я поел и уснул.

Когда проснулся, тихо было. Богородица на меня со стенки задумчиво смотрела. Мне показалось, что смотрит она на меня строго. Будто спрашивает о чём-то. Может, сомневается во мне.

Я ей